

ального наследия, предоставляет ресурсы для их сохранения, обеспечивает законодательную поддержку для их сохранения и адаптации, а также тех, кто отвечает за подготовку кадров и сферу образования: учиться на примерах тех подходов, которые уже используются при изучении и понимании нашего индустриального наследия, исходя из успешного опыта уже реализованных проектов по сохранению объектов всемирного индустриального наследия; понимать все возрастающую роль анализа и пропаганды подлинных ценностей нашего промышленного наследия, а также определения и распространения инструментальных, экономических, социальных и образовательных преимуществ, которые дает сохранение промышленного наследия Европы; принимать все меры по защите и сохранению главных объектов промышленного наследия, новому адаптивному и рациональному использованию сооружений, связанных с инженерно-строительными объектами, документированию объектов, сооружений и процессов, а также по исследованию археологического потенциала прошлых промышленных объектов и сооружений; реализовывать этот потенциал для познания, удовлетворения и вдохновения таким образом, чтобы за счет сохранения европейского промышленного наследия изменить в лучшую сторону жизнь нынешнего и будущих поколений европейцев».

Таким образом, история развития движения за сохранение индустриального наследия в Великобритании заняла не одно десятилетие. Англия была первой среди других стран, кто приступил не просто к изучению памятников индустриальной эпохи, но и к их сохранению для будущих поколений. Для этого необходимо было разработать законодательство, найти финансовую и материальную поддержку, привлечь внимание, как государства, так и общественных организаций, вывести данные проблемы на европейский и мировой уровень. Важно было разработать терминологию, определить методы и направления исследования, подготовить соответствующих специалистов для полноценного решения поставленных задач. Все это для Соединенного Королевства – дела давно минувших дней.

С.А. Нефедов
Екатеринбург

ЭВОЛЮЦИЯ ДИНАМИКИ СМЕРТНОСТИ В СССР К КОНЦУ 1930-Х ГОДОВ¹²⁴⁶

Стефен Уиткрофт пишет, что «кризисы смертности не дают всей картины уровня жизни и демографического развития при Сталине. Кроме кризисов, был замечательный прогресс в улучшении благосо-

¹²⁴⁶ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-УРАЛ 11-11-66003 а/У

стояния, уменьшении смертности, увеличении роста людей...»¹²⁴⁷. Конечно, помимо кризисов были и относительно спокойные времена – но имело ли место уменьшение смертности, например, в 1939 г. по сравнению с 1927 г.?

Ответить на этот вопрос непросто, так как официальные данные о смертности для всей территории СССР в 1920-е гг. отсутствуют. Однако в 1993 г. известные демографы Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский и Т.А. Харькова предложили реконструкцию демографических процессов в СССР в 1920 – 1930-е гг. По их расчетам смертность в 1927 г. составляла 26,5 ‰, а в 1939 г. – 20,1‰, то есть снижение смертности было весьма значительным¹²⁴⁸. Именно на эти расчеты ссылается С. Уиткфорт, говоря о «замечательном прогрессе в уменьшении смертности».

Однако расчеты этих авторов вызывают много вопросов. В их основе лежит предположение о значительном недоучете рождений и смертей не только в тех районах, где регистрация была ненадежна, но и в европейской части РСФСР. В последнем случае недоучет младенческой смертности (появляющийся оттого, что родители не регистрировали рождение рано умерших младенцев) был оценен авторами в 40%¹²⁴⁹. Между тем, один из руководителей ЦСУ, М.П. Красильников, писал, что «сопоставление численности детей в возрасте до 1 года по данным переписи с исчисленным количеством их на момент переписи по данным органов ЗАГС о рождаемости и детской смертности обнаружило полноту регистрации фактов естественного движения населения по большинству районов РСФСР даже в отношении грудных детей»¹²⁵⁰.

В. Песчанский отмечает, что в Европейской части РСФСР (без Северного Кавказа и Дагестана) в 1926 г. было зарегистрировано ЗАГСами 3 089 769 новорожденных и 588 583 умерших в возрасте до одного года. Если считать – как это принято у статистиков – что 67% этого числа умерших (394 330) родилось в том же году, то число детей, моложе одного года, доживших до конца 1926 г., определится в 2 688 197 чел. По данным Всесоюзной переписи оказалось детей моложе одного года на той же территории 2 615 472 чел., то есть на 2,7% меньше. «Эту разницу, - заключает В. Песчанский, - целиком можно отнести за счет неточности показаний в возрасте детей при переписи,

¹²⁴⁷ *Wheatcroft S. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960 // Slavic Review. 1999. Vol. 58. P. 59–60.*

¹²⁴⁸ *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза. 1922–1991. М.: Наука, 1993. С.120.*

¹²⁴⁹ *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история Российской Федерации, 1927–1959. - М.: Информатика, 1998. Приложение 2.*

¹²⁵⁰ *Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1929. С. 5.*

возможных пропусков, а также несовпадения критического дня переписи с концом года»¹²⁵¹.

Таким образом, сопоставление данных ЗАГСов и данных переписи показывает отсутствие сколько-нибудь существенного недоучета младенческой смертности; это говорит о том, что мы не можем полностью полагаться на расчетные оценки Андреева, Дарского и Харьковой.

Естественным выходом из этой ситуации представляется попытка рассмотреть динамику смертности для региона, в котором в конце 1920-х гг. был налажен точный учет – то есть для Европейской части СССР. Правда, для 1930-х гг. у нас нет данных для этой части страны, но сравнение можно произвести с совокупностью трех республик, РСФСР, УССР и БССР; в этом объединении на азиатскую часть приходится лишь немногим более 10 % населения, что не должно существенно повлиять на показатели смертности. Что касается точности официальных сведений, то хотя в первой половине 1930-х гг. она оставалась желать лучшего, то в конце 1930-х гг. работа ЗАГСов была снова налажена и полнота регистрации родившихся и умерших младенцев для 1938 г. подтверждалась расчетами, аналогичными расчетам В. Песчанского¹²⁵².

В итоге, по официальным данным смертность в Европейской части СССР в 1926 г. была равна 20,0, в 1927 г. 21,0 ‰¹²⁵³. Смертность в трех республиках равнялась: в 1937 г. – 19,5, в 1938 г. – 18,8, в 1939 г. – 18,4 ‰¹²⁵⁴. Таким образом, по сравнению с временами НЭПа имелось некоторое снижение смертности – но очень небольшое, не позволяющее говорить о «замечательном прогрессе». Если же учесть, что 1937 – 1938 гг. были годами массовых репрессий, жертвы которых не учтены в этой статистике, то прогрессе говорить и вовсе не приходится.

А.А. Петько
Екатеринбург

НАУКА И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОГЮСТА КОНТА

О.Конт (1798 – 1857) считал своим главным достижением в науке открытие закона развития человеческого общества. Несмотря на то, что учение Конта чаще всего именуется «философией науки», сам он

¹²⁵¹ Песчанский В. Предварительные итоги естественного движения населения за первое полугодие 1927 года по Европейской части РСФСР // Статистическое обозрение. 1928. № 2. С. 88.

¹²⁵² Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза... С. 39.

¹²⁵³ Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 74.

¹²⁵⁴ Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 137. Л. 1.; Д. 191. Л. 1-38; Д. 262. ЛЛ.1 – 17 (подсчеты наши).